КІЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.
15-го апрѣля. № 8. 1872 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

Іосифъ II Солтанъ, Митрополитъ Кіевскій

Изъ переписки Іоанна III-го съ Александромъ видно еще, что І. Солтанъ способствовалъ Войцѣху Табору и «черницамъ бернардинамъ» обращать въ латинство «простыхъ людей и пановъ Грецкого закону». Но и это обвиненіе не имѣетъ силы доказательства. Если бы І. Солтанъ хоть сколько-нибудь помогалъ пропагандѣ этихъ служителей папскаго престола, то вѣсть объ этомъ живо разнеслась бы между православными литовцами ипапа, разумѣется, не преминулъ бы изъявить ему благодарность и поощрять его всѣми мѣрами къ болѣе энергическому содѣйствію своимъ слугамъ. Но между тѣмъ имени І. Солтана не встрѣчается ни въ одномъ посланіи папы, равно какъ и въ тѣхъ мѣстахъ лѣтописей, гдѣ говорится о Войцѣхѣ Таборѣ и бернардинахъ. Изъ этого мы выводимъ, что и это обвиненіе такая же клевета, какъ и предыдущее.

Москвичи обвиняли еще І. Солтана въ томъ, что онъ содѣйствовалъ Александру во время войны съ Іоанномъ III, давая своему королю деньги [1]), укрѣпляя замки [2]) и возбуж-

---

[1]) А. З. Р. т. II, № 45 [2]) ibid. т. II. № 10.

дая пановъ и солдатъ. Если, думали Москвичи, I. Солтанъ такъ сочувственно относится къ интересамъ католическаго короля, то несомнѣнно, что онъ преданъ былъ папѣ; при томъ же I. Солтанъ зналъ, что московскій князь ведетъ войну за православіе, стало быть, возставая противъ Іоанна III, онъ возставалъ противъ православія. Неосновательность этого обвиненія видна съ перваго взгляда. Въ Литвѣ далеко не были убѣждены, что Иванъ III ведетъ войну изъ-за однихъ религіозныхъ причинъ; тамъ думали, и думали, можетъ быть, не безъосновательно, что притѣсненіе Елены только предлогъ, а дѣйствительная причина войны-политическая система Іоанна III, система, стремившаяся всѣми средствами расширить предѣлы русскаго государства. При такомъ убѣжденіи каждому литвину естественно было отстаивать границы родной земли и удерживать непріятеля отъ незаконныхъ захватовъ. Стало быть съ точки зрѣнія литовца, поступки I. Солтана могли казаться чисто патріотическимъ дѣломъ, заслуживающимъ не порицанія, а полнаго одобрѣнія. Наконецъ, чтобы быть послѣдовательными, москвичамъ слѣдовало обвинять въ неправославіи и князя Острожскаго, который, конечно, принималъ несравненно болѣе дѣятельное участіе въ защитѣ литвы, чѣмъ I. Солтанъ; если же не обвиняютъ въ измѣнѣ православію К. Острожскаго, то не понятно, почему это дѣлаютъ въ отношеніи къ I. Солтану. Очевидно, москвичи сдѣлали это обвиненіе, не обсудивши внимательно поведенія I. Солтана и руководясь здѣсь болѣе патріотическимъ чувствомъ, чѣмъ голосомъ разсудка и правды. Игнатій Поцѣй, а за нимъ и многіе польскіе писатели [1]) утверждаютъ, что I. Солтанъ, будучи еще подскарбіемъ ве-

---

[1]) Spicimen Eccl. Ruthen. Kulez, p. 216.

ликаго княжества литовскаго, ѣздилъ въ Римъ съ граомотою митрополита Мисаила, въ которой этотъ владыка просилъ будто бы папу Сикста IV, чтобы онъ прислалъ знающихъ людей для примиренія спора православныхъ съ католиками и дозволилъ бы первымъ принять участіе въ праздновании тогдашняго римскаго юбилея. Если, заключаютъ польскіе писатели, І. Солтанъ, будучи еще въ свѣтскомъ званіи, ѣздилъ съ такою грамотою къ папѣ, то нѣсомнѣнно, что онъ былъ католикъ, и если потомъ сдѣлался православнымъ митрополитомъ, то не по убѣжденію, а изъ корысти или тщеславія.

Вѣрно ли это извѣстіе? Нѣтъ; и на это можно представить цѣлый рядъ доводовъ. Во 1-хъ въ этомъ посланіи упоминаются такія лица, о которыхъ несомнѣнно извѣстно, что они были глубоко-православные люди. Въ упомянутомъ посланіи въ числѣ подписей мы встрѣчаемъ имя Макарія, архимандрита и настоятеля виленскаго троицкаго монастыря, бывшаго потомъ кіевскимъ митрополитомъ. Неужели можно предположить, что *священномученникъ* Макарій былъ уніатъ? Это во а.) противорѣчитъ голосу современниковъ, которые всѣ считаютъ Макарія человѣкомъ глубоко благочестивымъ, во б.) дѣлаетъ почти необъяснимымъ появленіе его мощей, которыя чтитъ *православная* церковь. Далѣе, въ указанномъ посланіи встрѣчается подпись Ивана Ходкевича, но мы видѣли, что Хоткевичи были люди, истинно преданные православію, глубоко уважающіе духовенство, строители монастырей и благоукрасители церквей [1]). Далѣе, нельзя заподозривать въ уніанствѣ и самого митрополита Мисаила. На это есть одинъ доводъ; хотя не положтельный, но тѣмъ не менѣе имѣющій за собою немало вѣса. Въ 1471 г. умеръ кіевскій воевода, князь Симеонъ Олельковичъ (из-

[1]) Вил. арх. собр. т. XI. №№ 1, 4 и др.

вѣстный возсоздатель кіево-печерской Лавры), и на его мѣсто назначенъ былъ нѣкто Гаштольдъ, католикъ. Это кіевлянамъ не понравилось и они настояли предъ королемъ, чтобы Гаштольдъ былъ смѣненъ, а на его мѣсто назначенъ православный[1]), Если жители Кіева не терпѣли католиковъ воеводъ, то очевидно, что они не дозволили бы быть католику митрополиту. Во 2-хъ несостоятельность этого извѣстія доказывается еще условіями тогдашняго избранія митрополитовъ. Извѣстно, что со времени окончательнаго отдѣленія южной митрополіи отъ сѣверной, первая стала въ особенно близкія отношенія къ константинопольскому патріарху. Юго-западная церковь, тѣснимая съ одной стороны католицизмомъ, съ другой-ропотомъ и недовольствомъ русскихъ, считала тѣсное сближеніе съ константинопольскою церковію необходимостію: чрезъ это она могла въ 1-хъ поддерживать во всемъ православномъ мірѣ мысль, что ея отдѣленіе отъ сѣверно-русской церкви не есть отдѣленіе еретическое, а во 2-хъ, находясь съ Констант. церковію въ хорошихъ отношеніяхъ, она свободнѣе могла заимствовать оттуда разнообразныя богословскія свѣдѣнія на различныя религіозныя учрежденія. При такихъ отношеніяхъ къ Конст. патріарху, въ южно-русской церкви не было ни одного важнаго учрежденія, которое бы не было освящено благословеніемъ константинопол. Патріарха. Что же касается до избранія и освященія митрополитовъ, то мы не видѣли ни одного случая, когда бы не было испрашиваемо благословеніе патріарха при вступленіи кого либо на митрополичью каѳедру. Былъ, правда, одинъ случай, отступающій отъ общаго правила: священномученикъ Макарій, по различнымъ обстоятельствамъ,

---

[1]) Оп. Соф. соб. митр. Евг. р. III, 102.

посвященъ былъ безъ предварительнаго благословенія патріарха; но когда потомъ посвятившіе его епископы (Туровскій, Владимірскій, Полоцкій и Луцкій) просили у патріарха благословенной грамоты, то патріархъ, присылая эту грамоту, просилъ епископовъ, чтобы они на будущее время не посвящали въ санъ митрополита прежде благословенія патріарха, исключая тѣхъ случаевъ, когда этого требуетъ крайняя нужда [1]) Съ этого времени, почти до самой уніи, мы не видимъ ни одного митрополита, который былъ бы посвященъ безъ предварительнаго разрѣшенія патріарха. Несомнѣнно, что одною изъ главныхъ цѣлей такого установленія было не допускать на митрополичью каѳедру уніатовъ, такъ какъ отъ этого могли измѣняться судьбы южной православной церкви. Непонятно послѣ всего этого, какъ могъ бы дать патріархъ Нифонтъ I. Солтану благословенную грамоту, если бы онъ зналъ, что I. Солтанъ былъ уніатомъ? А не знать поѣздки его въ Римъ, патріархъ не могъ; потому что упомянутое посланіе называется *соборнымъ*, стало быть, предъ его отправленіемъ были предварительныя совѣщанія и съѣздъ многихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Если даже предположить, что объ этомъ соборѣ не зналъ патріархъ до посвященія I. Солтана, то могъ узнать во время самаго посвященія, потому что «крестовый священникъ», привезшій изъ Константинополя благословенную грамоту, непремѣнно услышалъ бы отъ православныхъ обывателей Вильны объ уніатствѣ I. Солтана и, конечно, тотчасъ бы далъ знать объ этомъ патріарху. Патріархъ, конечно, не могъ бы задержать посвященіе I. Солтана, но отъ него вполнѣ зависѣло дать ему благословенную грамоту, и онъ, несомнѣнно, не далъ бы ее, если бы зналъ, что I. Солтанъ бы уніатомъ.

(Продолженіе будетъ)

Базиліанскіе монастыри въ кіевской губерніи.

Во времена польскаго владычества въ югозападной Россіи было два рода монастырей или *архимандрій*. Перваго рода архимандріями назывались тѣ монастыри, настоятели которыхъ носили титулъ архимандритовъ, подобно настоятелямъ нынѣшнихъ первоклассныхъ монастырей. До уніи эти настоятели, какъ и въ настоящее время, назначались и утверждались митрополитами или мѣстными епископами и находились въ полной отъ нихъ зависимости. Со временъ уніи, когда всѣ монастыри, перешедшіе въ унію, такъ и позднѣе образовавшіеся, составили особую конгрегацію, извѣстную въ исторіи подъ именемъ *базиліанскаго ордена*, всѣ настоятели назначались *генераломъ* ордена, или, какъ его еще иначе называли, *протоархимандритомъ*, который, по конституціямъ ордена, избирался изъ простыхъ монаховъ на четыре года, и въ тоже время былъ настоятелемъ какого нибудь монастыря -Другаго рода *архимандріями* назывались тѣ монастыри, которые получили фундуши отъ литовскихъ князей или отъ польскихъ королей. Эти монастыри считались какъ бы собственностію короны (beneficio) и по усмотрѣнію королей, могли быть отдаваемы въ пожизненное владѣніе за какія нибудь заслуги лицамъ какъ свѣтскимъ, такъ и духовнымъ. Судьба такихъ монастырей всегда была не завидна. Лица, получившія отъ короля привилей на какую нибудь архмандрію заботились только о томъ, чтобы получить отъ нея какъ можно больше выгодъ. Отъ того монастыри эти большею частію находились въ крайнемъ упадкѣ. Случалось такъ, что въ монастырѣ не было ни одного монаха, кромѣ одного архимандрита. Вмѣсто монаховъ владѣтель монастыря содержалъ въ монастырѣ ближайшихъ родственниковъ своихъ съ ихъ

женами и дѣтьми. Не лучше было положеніе монастыря въ томъ случаѣ, когда управлялъ имъ человѣкъ свѣтскаго званія. Еще болѣе жалкая судьба этихъ монастырей была по смерти архимандритовъ. Каждый изъ сосѣднихъ владѣльцевъ старался захватить что нибуть изъ монастырскихъ фундушей, и будущему архимандриту приходилось вести нескончаемые процессы о захватѣ земель и угодій монастырскихъ. Такъ было до начала XVII столѣтія, т. е. до образованія уніатскаго базиліанскаго ордена.

Базиліане позаботились хоть сколько нибудь исправить зло. На первой же конгрегаціи новогрудской, въ 1647 г. они постановили выхлопотать у короля привилей, по которому всѣ высшія іерархическія мѣста и должности въ церкви должны быть отдаваемы только монахамъ этого ордена и притомъ съ согласія и по рекомендаціи этого ордена. Привилей былъ выданъ ордену Владиславомъ IV въ 1635 году. Въ привилеѣ Владиславъ IV за себя и за своихъ предковъ обѣщаетъ: »архіепископствъ, архимандрій и игуменствъ, никому другому недавать, какъ только монахамъ базиліанскаго ордена». Этотъ привилей былъ подверждаемъ неоднократно не только королями, но и сеймовыми конституціями. Такъ въ конституціи 1775 года сказано: «Всѣ права и привилеи, данныя нами и нашими предками базиліанскому ордену вообще и ихъ монастырямъ въ частности, подтверждаемъ и оставляемъ въ прежней силѣ». Въ конституціи же 1764 года на проектъ посла земли Рожанской-Вишоватого, чтобы церковныя бенефиціи были даваемы. въ награду не только монахамъ базиліанамъ, но и свѣтскому русскому (уніаатскому) клиру, сказано: »Важнѣйшія *бенефиціи* церковныя должны быть отдаваемы только *тѣмъ* лицамъ, при содѣйствіи ко-

торыхъ св. унія, отъ ея начала и до настоящаго времени была счастливо поддержана, распространена и теперь держится. А какъ она всѣмъ этимъ обязана *базиліанамъ*, то отниматъ отъ нихъ церковныя бенефиціи и высшія іерархическія мѣста и должности, *и даватъ свѣтскому клиру*, значило бы идти наперекоръ двухсотлѣтнему опыту, что только *этимъ способомъ* держалась унія, и ее самую подвергать явной опасности, чему явнымъ доказательствомъ служатъ недавнія украинскія событія«.

Получивши подобныя права и привиллегіи, базиліане съ своей стороны старались предупредить могущія вкрасться въ орденъ злоупотребленія, т. е. непомѣрное стремленіе монаховъ къ пріобрѣтенію доходныхъ бенефицій и неизбѣжныя при этомъ интриги и заискиванія у сильныхъ міра. Съ этою жецѣлію на первой базиліанской конгрегаціи было постановлено, чтобы всѣ члены ордена, при постриженіи въ монашество, кромѣ трехъ обыкновеннныхъ обѣтовъ монашескихъ: дѣвства, нестяжательности и послушанія, давили еще *четвертый* обѣтъ-» недомагательства высшихъ ерархическихъ мѣстъ и должностей«. Это постановленіе въ актахъ конгрегаціи такъ мотивировано: «Такъ какъ въ силу правъ духовныхъ и по утвердившемуся обычаю церкви, на духовныя достоинства должны быть возводимы только лица монашествующія,-чего измѣнить нельзя, да и не справедливо было бы; съ другой стороны, чтобы этимъ путемъ не вкралась въ нашъ орденъ страсть незаконными средствами ис, катьи, добиваться высшихъ церковныхъ мѣстъ и должностой: то во избѣжаніе этого мы постановляемъ и утверждаемъ на вѣчныя времена, чтобы каждый, поступающій въ нашъ орденъ, сверхъ обыкновенныхъ монашескихъ обѣтовъ свдаалъ еще обѣтъ на то, что онъ ни тайно, ни явн

самъ собою или посредствомъ другихъ, не будетъ искать и добиваться высшихъ должностей какъ монастырскихъ, такъ и церковныхъ, особенно свѣтскихъ. А если кто осмѣлится сдѣлать это, тотъ уже тѣмъ самымъ лишаетъ себя права на полученіе этихъ мѣстъ; и никто другой не можетъ избрать его на это мѣсто, и гдѣ монахи профессы имѣютъ право голоса, онъ не будетъ имѣть этого права до смерти».

Естественно, что съ образованіемъ базиліанскаго ордена и съ утвержденіемъ за нимъ привиллегіи данной Владиславомъ IV, судьба базиліанскихъ монастырей образовавшихся въ эту пору, была болѣе счастлива. Монастыри образовавшіеся на средства завѣщанныя магнатами короны польской въ пользу базиліанскаго ордена жили и процвѣтали, и жизнь и процвѣтаніе ихъ шли объ руку съ жизнію уніи и съ цѣлями, какія преслѣдовала послѣдняя. Монастыри эти составляли третій родъ монастырей или *архимандрій* на югѣ западной Россіи, и существовали до той поры, пока само время, пока историческія обстоятельства и сила законовъ государственныхъ не прекратили развитіе уніи, доколѣ вмѣстѣ съ прекращеніемъ развитія ея не парализовали въ конецъ и жизнь органовъ, поддерживавшихъ развитіе ея и способствовавшихъ ему. Такими монастырями, составлявшими изъ себя особый родъ *архимандрій* на югѣ западной Россіи были между прочимъ и монастыри Кіевской губерніи: *уманскій*, *каневскій* и *лисянскій*.

(Продолженіе будетъ).

ВОЗЗВАНІЕ КЪ ДУХОВЕНСТВУ КІЕВСКОЙ ЕПАРХІИ [1])

Выше Высокопреподобіе!

Члены Кіевскаго Отдѣла ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго Славянсваго благотворительнаго Комитета, высоко цѣня евангельское служеніе Кіево-епархіальнаго духовенства на пользу ближнихъ, служеніе многостороннее, и зная, какъ охотно отозвалось оно на призывъ Миссіонерскаго общества, и какое горячее участіе приняло въ сборѣ доброхотныхъ пожертвованій на распространеніе христіанства въ Россіи, эти члены, въ годовомъ собраніи своемъ 21 декабря прошлаго года, просили меня, какъ предсѣдателя своего, пригласить это духовенство къ содѣйствію благимъ намѣреніямъ и предпріятіямъ Славянскаго благотворительнаго Комитета.

Такое любвеобильное прошеніе ихъ было сколько пріятно мнѣ, лично видѣвшему Славянъ заграницею нашего отечества и узнавшему ихъ бытъ неотрадный, столько же и обязательно для меня, какъ человѣка, какъ христіанина, и какъ ближняго Славянамъ; ия тогда охотно рѣшился исполнить его, будучи увѣренъ, что приглашеніе просвѣщеннаго и добродѣтельнаго духовенства къ благому дѣлу будетъ принято имъ сочувственно. А теперь настало время сего исполненія; и вотъ, я, помолясь Богу, отцу щедротъ и всякія утѣхи, приступаю къ дѣлу, и привѣтливо обращаясь къ Вашему Высокопреподобію, сперва знакомлю Васъ съ цѣлію и дѣломъ Славянскаго Комитета и Кіевскаго Отдѣла его, а потомъ уясняю Вамъ самый способъ Вашего содѣйствія намъ Славянолюбивцамъ, въ средѣ которыхъ стоять Вамъ будетъ пріятно.

Югозападныя племена Славянскія, поставленныя судьбою подъ двойной гнётъ чужестранныхъ государствъ и чуждыхъ имъ вѣроисповѣданій, взираютъ на православную Россію, имъ родную по вѣрѣ и языку, какъ на единственную утѣшительницу свою; въ насъ, русскихъ, они видятъ своихъ братій, любятъ насъ, надѣются на насъ, и къ намъ во-

---

[1]) Изъ отчета о дѣятельности Кіев. отдѣла Слав. Благотвор. Комитета за 1871 годъ.

піютъ о помощи, зная, что Русскій никогда не отталкиваетъ протянутой къ нему руки. Ихъ вопли услышаны. Помощь имъ начата. Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ она получила болѣе правильное и благодѣтельное направленіе, когда въ 1858 году составился въ Москвѣ Славянскій благотворительный Комитетъ, а потомъ основалось Отдѣленіе его въ Петербургѣ и, годъ тому назадъ, въ Кіевѣ. Московскій Комитетъ помогаетъ преимущественно Болгаріи, а Петербургскій Отдѣлъ его снабдѣваетъ Сербію, отдѣлъ же Кіевскій обратилъ свое сердобольное вниманіе на ближайшихъ къ намъ Славянъ, обитающихъ въ Галиціи, Буковинѣ и Венгріи. Цѣль этихъ трехъ учрежденій—не политическая, а образовательная и благотворительная. Имъ любо дѣлиться съ Славянами свѣтомъ Вѣры и вѣдѣнія и теплотою христіанской любви.

Цѣль наша Вамъ показана. Предлагается Вашему просвѣщенному вниманію и наше дѣло.

Кіевскій Отдѣлъ Славянскаго благотворительнаго Комитета, помогая русскимъ обитателямъ нѣкогда славной и сильной Червонной Руси и славянамъ въ Буковинѣ и Венгріи, теперь бѣдствующимъ и взывающимъ къ намъ о попомощи, посылаетъ имъ церковныя вещи въ ихъ убогіе храмы и русскія книги въ ихъ бѣдныя училища, поддерживаетъ литературныя изданія ихъ на русскомъ языкѣ, даетъ денежную помощь тамошнимъ преподавателямъ сего языка, и содѣйствуетъ образованію поименованныхъ Славянъ въ среднихъ и высшихъ заведеніяхъ родственной имъ Россіи.

Таково дѣло наше. Оно благотворно и обширно. А обширность его заставляетъ насъ обратиться къ Вашему Высокопреподобію съ просьбою содѣйствовать къ увеличенію

благотворительныхъ средствъ Кіевскаго Отдѣла сборомъ доброхотныхъ дѣяній среди Вашей духовной паствы, въ пользу Славянъ.

Мы увѣрены въ Вашемъ теплом сочувствіи Славянскому дѣлу, и въ этой увѣренности просимъ Васъ, во-первыхъ, оповѣстить ввѣренное Вашему благочинію духовенство и чрезъ него православныхъ христіанъ, что на свѣтѣ семъ существуютъ наши братья Славянорусcы, нуждающіеся въ нашей помощи, во-вторыхъ, пригласить ихъ къ доброхотнымъ подаяніямъ самымъ малымъ, такъ малымъ, что ежели священникъ соберетъ со всего прихода своего *одинъ рубль*, вѣрьте, одинъ рубль, то и этотъ сборъ будетъ принятъ съ благодарностію, какъ лепта угодная Богу, и, въ-третьихъ, подать всѣмъ примѣръ Вашей благотворительности, записавъ на прилагаемомъ при семъ листѣ нѣсколько Вашихъ копѣекъ, повторяю, копѣекъ считамыхъ даже не десятками, записавъ ихъ по старой говоркѣ: съ міру пониткѣ, нищему рубаха.

Призываю на Васъ Божіе благословеніе и съ отмѣннымъ уваженіемъ и братскою любовію остаюсь

Вашего Высокопреподобія
искренній доброжелатель
Предсѣдатель Кіевскаго Отдѣла
Славянскаго благотворительнаго Комитета
Порфирій, Епископъ Чигиринскій,
Викарій Кіевской епархіи.

Къ свѣдѣнію.[1])

1) *Дѣйствительный* членъ Кіевскаго Отдѣла ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго славянскаго благотворительнаго Комитета вноситъ ежегодно не менѣе *пяти рублей*, а членъ *соревнователь* не менѣе двухъ съ полтиной и не болѣе трехъ рублей, членъ же *содѣйственникъ* не мѣнее рубля и не болѣе двухъ рублей.

2) Всѣ такіе члены получаютъ отъ Отдѣла особые билеты во свидѣтельство ихъ благотворительности Славянамъ.

---

1) Оттудаже.

Эитли беты не возвращаются, а хранятся въ домахъ памяти ради

3) Каждый членъ приглашаетъ кого знаетъ, жертвовать въ пользу Славянъ, кто что можетъ, и собственноручно записывать даянія на особомъ *подписномъ листѣ*, который имѣетъ быть выданъ вмѣстѣ съ билетомъ.

4) Жертвуются и записываются тутъ не одни деньги, но и вещи, какъ то: церковная утварь, разница и св. иконы для церквей у Слявянъ, и книги для ихъ библіотекъ и народныхъ училищъ.

5) Каждый членъ возвращаетъ выданный ему листъ во второй половинѣ декабря.

6) Какъ члены К. Отдѣла, такъ и тѣ, которые не желаютъ быть постоянными членами его, могутъ дать однажды навсегда такую сумму денегъ, проценты съ которой равнялись бы ежегодному взносу пяти, трехъ и двухъ рублей. и, если угодно, болѣе.

7) Иногородные присылаютъ свои пожертвованія деньгами и вещами въ Кіево-Михайловскій монастырь на имя предсѣдателя Кіевскаго Отдѣла славянскаго благотворительнаго Комитета преосвященнаго Порфирія, Епископа Чигиринскаго, викарія Кіевской Епархіи.

Возлюбимъ другъ друга, поможемъ братьямъ, осуществимъ великую славянскую идею, если любо намъ быть и слыть народомъ славнымъ, содружественнымъ и добродѣтельнымъ.

Открытіе соединенной судебной палаты и мировыхъ судебныхъ установленій.

20 Мар а, въ понедѣльникъ, въ 12 часовъ дня, въ кіевскомъ губернскомъ управленіи, въ присутсвіи г. главнаго начальника края, кіевскаго губернатора, всѣхъ членовъ губернскаго управленія, предводителя дворянства губерній, городскаго головы и предсѣдателя кіевскаго миро-

ваго съѣзда, происходило *открытіе соединенной судебной палаты и мировыхъ судебныхъ установленій въ кіевской губеенгіи*. Открытію предшествовало молебствіе, совершенное ключаремъ каѳедральнаго собора, протоіереемъ Н. Я. Оглоблинымъ, въ сослуженіи двухъ священниковъ. За тѣмъ г. начальникъ губерніи Н. П. Гессе прочиталъ указъ сената и, объявивъ мировыя учрежденія и соединенную судебную палату открытыми, поздравилъ всѣхъ присутствовавшихъ съ этимъ знаменательнымъ для губерніи событіемъ, выразилъ надежду, что судебная часть будетъ идти рука-объ-руку съ администраціею, и увѣрилъ, что онъ, съ своей стороны, будетъ содѣйствовать, въ чемъ только можетъ, судебнымъ учрежденіямъ губерніи. Потомъ г. прокуроромъ прочитанъ былъ списокъ лицъ, вновь назначенныхъ на судебныя должности, и были приведены къ присягѣ пять изъ этихъ лицъ, еще не выполнившихъ присяги. Въ заключеніе о. протоіерей Н. Оглоблинъ сказалъ краткое поучительное слово, призывая благословеніе Верховнаго Судіи на новый судъ въ нашей мѣстности.

ВТОРОЙ ДОКТОРСКІЙ ДИСПУТЪ ВЪ КІЕВСКОЙ АКАДЕМІИ.

2 Апрѣля, въ стѣнахъ кіевской Духовной Академіи былъ второй докторскій диспутъ: Ординарный профессоръ Академіи В. Ѳ. Пѣвницкій защищалъ одобренную предварительно

совѣтомъ академіи диссертацію подъ названіемъ« св. Григорій Двоесловъ, его проповѣди и гомилитическія правила«. Диспутъ этотъ происходилъ въ воскресеніе, и совершенно гармонировалъ на этотъ разъ съ священнымъ днемъ покоя и вмѣстѣ съ тѣмъ духовнаго дѣланія. Кстати, для этого диспута предложена была не малая академическая зала, какъ было на первомъ докторскомъ диспутѣ, а большая, торжественная, просторная. Вступая въ эту залу, увѣшанную съ верху до низу, заботами теперешняго о. ректора академіи, многочисленными портретами бывшихъ воспитанниковъ и потомъ дѣятелей академіи и видя предъ собою живую не малочисленную образованную публику кіевскую, почтившую диспутъ своимъ вниманіемъ, мы невольно почувствовали какой то таинственный трепетъ: насъ пріятно поразило знаменательное на этотъ разъ сближеніе жившихъ когда то, давно, давно и живущихъ теперь любителей Академіи и духовной науки. Обозрѣвая ряды посѣтителей теперешняго академическаго торжества, мы нашли тутъ самый разнородный составъ: тутъ было немалое число лицъ и изъ духовенства монашествующаго и не монашествующаго, тутъ были и профессоры, впрочемъ профессоровъ университета, было очень не много,-тутъ были и учители и чиновники и военные и купцы, и немало дамъ. Изъ такъ называемаго цвѣта кіевскаго общества, диспутъ удостоили своимъ посѣщеніемъ: Г. Попечитель кіевскаго учебнаго округа и извѣстный фундаторъ частной образцовой школы кіевской-коллегіи. Около 12-ти часовъ открылъ диспутъ самъ ректоръ Акаде-

міи о. Филаретъ. Преосвященный Порфирій, какъ намъ передавали, не могъ удостоить диспутъ своимъ посѣщеніемъ по болѣзни. Послѣ молитвы, пропѣтой студентами Академіи, о. ректоръ, обратившись въ публикѣ, въ не многихъ словахъ высказахъ цѣль собранія и затѣмъ изложилъ въ хронологическомъ порядкѣ curriculum vitae докторанта. Докторнтъ В. Ѳ. Пѣвницкій, передавалъ о. ректоръ, уроженецъ Владимірской губерніи,-воспитанникъ тамошней семинаріи и потомъ кіевской академіи. По окончаніи курса академическихъ наукъ въ числѣ первыхъ студентовъ, опредѣленіемъ св. сѵнода, онъ оставленъ былъ, 16 лѣтъ тому назадъ, при кіевской же академіи въ званіи баккалавра словесности и потомъ церковнаго краснорѣчія; за усердные и успѣшные труды по преподаванію предмета своей каѳедры былъ возводенъ разновременно въ званіе-профессора энстраординарнаго и потомъ ординарнаго; съ преобразованіемъ кіевской академіи, съ раздѣленіемъ ея предметовъ и состава учащихъ и учащихся на три отдѣленія; В. Ѳ. Пѣвницкій избранъ былъ помощникомъ ректора академіи по церковно-практическому отдѣленію. Занимаясь довольно продолжительное время однимъ и тѣмъ же предметомъ-церковнымъ краснорѣчіемъ или же гомилетикою, докторантъ, продолжалъ о ректоръ, кромѣ нѣскольких статей, помѣщенныхъ въ разныхъ духовныхъ изданіяхъ, составилъ нѣсколько ученыхъ трактатовъ по своему предмету и помѣстилъ ихъ на страницахъ академическаго изданія. Послѣдній изъ своихъ ученыхъ трудовъ подъ заглавіемъ: св. Григорій Двоесловъ, его проповѣди и гомилетическія правила, заключилъ о. ректоръ, профессоръ Пѣвницкій представлялъ въ совѣтъ академіи для соисканія ученой степени доктора Богословія. Совѣтъ Академіи призналъ это сочиненіе соотвѣтствующимъ цѣли и постановилъ; до-

пустить докторанта къ публичной защитѣ своего сочиненія, Оффиціальными оппонентами докторанту были назначены совѣтомъ академіи экстраординарные профессоры, Лашкаревъ и Петровъ.

Послѣ этого докторантъ взошелъ на каѳедру и въ оживленной рѣчи разсказалъ вкратцѣ о своихъ прежнихъ ученыхъ трудахъ по церковному краснорѣчію,-и изложилъ довольно обстоятельно предметъ, планъ и послѣдніе выводы сочиненія, допущеннаго къ публичной защитѣ. Для облегченія вниманія посѣтителей въ ходѣ диспута, докторантомъ по обыкновенію предложены были печатные тезисы его сочиненія. Вотъ эти тезисы:

I. Въ исторіи латинксой проповѣди пятый и шестой вѣкъ представлаютъ самую замѣчательную эпоху,-эпоху самостоятельнаго развитія и окончательнаго опредѣленія ея характера.

II. Св. Григорій Двоесловъ одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей латинской проповѣди въ періодъ ея самостоятельнаго развитія (V—VI в.).

III. Проповѣдь св. Григорія Двоеслова (какъ и другихъ западныхъ проповѣдниковъ) уясняетъ и раскрываетъ не столько догматы христіанскіе, сколько истины практическаго свойства.

IV. Направленіе проповѣди св. Григорія Двоеслова нравственно-аскетическое, соотвѣтственно личному настроенію его, образовавшемуся въ немъ подъ вліяніемъ тяжелыхъ обстоятельствъ его времени.

дущемъ судѣ, особенно живо сознаваемая людьми въ вѣка общественныхъ бѣдствій и ослабленія нравственной энергіи народа.

VI. Проповѣдь св. Григорія Двоеслова не обнимаетъ началъ христіанскаго нравоученія во всей ихъ широтѣ, и, не входя въ подробное обличеніе недостатковъ своего времени, не даетъ ясной картины своего времени.

VII. Во внѣшнемъ изложеніи проповѣди св. Григорія Двоеслова, при безъискуственности ея построенія, выдаются два главные пріема,—аллегорія и употребленіе расказовъ при изъясненіи нравственныхъ истинъ.

VIII. Аллегорія св. Григорія Двоеслова довольно произвольна, въ особенности при толкованіи чиселъ, встрѣчающихся въ изъясняемыхъ имъ текстахъ Писанія, и много вредитъ ея назидательности.

IX. Введеніе благочестивыхъ разказовъ въ проповѣдь оригинальный пріемъ св. Григорія Двоеслова, нашедшій впослѣдствіи многихъ подражателей.

X. Теоретискія указанія касательно проповѣдническаго служенія, заключающіяся въ твореніяхъ св. Григорія Двоеслова (въ особенности въ *книгѣ о пастырскомъ служеніи*), широко и вѣрно опредѣляютъ условія успѣшнаго выполненія проповѣдническаго долга, хотя въ частностяхъ не чужды нѣкоторыхъ односторонностей, зависѣвшихъ отъ односторонности его воззрѣній, раздѣляемыхъ имъ вмѣстѣ съ другими его современниками.

XI. Для исторіи образованія и богословской мысли важно умственное направленіе св. Григорія Двоеслова, обнаруживающееся въ отрицательномъ отношеніи къ свѣтской (языческой) наукѣ, за которое св. Григорій не можетъ быть подвергаемъ строгому осужденію, во вниманіи къ историческимъ обстоятельствамъ, его вызвавшимъ.

Первымъ и особенно сильнымъ оппонентомъ докторанту былъ, какъ мы сказали, экстра-ординарный профессоръ Академіи П. А. Лашкаревъ. Выставивши несомнѣнныя достоинства литературныхъ трудовъ докторанта по предмету Литургики и въ особенности его послѣдняго сочиненія, представленнаго для соисканія докторской степени, г. Лошкаревъ замѣтилъ тутъ же, что художественная манера автора въ изложеніи его разсужденій, доходящая до искусства, при всемъ своемъ достоинствѣ, въ ученыхъ трудахъ не безопасна-легко можетъ привести къ неточностямъ, въ подтвержденіе чего оппонентъ обѣщалъ показать такія неточности и въ разсмотрѣнномъ имъ сочиненіи докторанта. Прежде же этого оппонетъ доказывалъ, что въ сочиненіи о св. Григоріѣ двоесловѣ недостаточно уяснена связь его проповѣдническихъ трудовъ съ проповѣдничествомъ и литературою вообще предшествовавшаго времени; отсюда между прочимъ и характеристика св. Григорія и его гомилетическихъ трудовъ вышла довольно общею, такъ сказать, нехарактеристичною. Опредѣленіе вліянія на св. Григорія литературы прежняго времени тѣмъ болѣе было умѣстно, по словамъ оппонента, что въ самыхъ сочиненіяхъ св. Григорія замѣтно это вліяніе; напр. въ изъясненіяхъ пророческихъ Іезекіиля св. Григорій замѣтно пользовался блаж. Августиномъ и пр. Докторантъ отвѣчалъ на это, что вліяніе предшествовавшаго времени на св. Григорія и его гомилетическіе труды, по его мнѣнію, достаточно имъ очерчены въ обзорѣ общаго хода латинской проповѣди,—что характеристика св. Григорія и его проповѣдничества больше всего опредѣлялась жизнію и обстоятельствами современными св. отцу, на что онъ и обратилъ вниманіе въ своемъ сочиненіи.

Обращая вниманіе на выясненіе характеристики св.

Григорія Двоеслова элементами жизни современной св. отцу, оппонентъ возражалъ, что указанными элементами по ихъ общности докторантъ не могъ достаточно вѣрно выяснить того, что хотѣлъ выяснить,—что нѣкоторые изъ этихъ элементовъ подобраны искуственно съ предзанятою мыслію—объяснить ту или другую черту характера въ св. отцѣ. При такой искуственности въ подборѣ элементовъ и въ излишнемъ усиліи объяснить всѣ черты жизни св. отца, только изъ указанныхъ имъ элементовъ окружавшей жизни, неизбѣжно оказались у докторанта, позамѣчанію оппонента, натяжки и невѣрности въ изложеніи характеристики св. Григорія Двоеслова и его трудовъ. Затѣмъ оппонентъ, указавъ на нѣсколько такихъ неточностей въ сочиненіи: напр. на то, что св. Григорій Двоесловъ былъ похожъ на свою мать едвали и по наружному виду и по характеру вопреки, увѣренію докторанта, такъ какъ портретъ его матери и ея характеръ остались неизвѣстными для науки. Вопреки положенію докторанта, что св. Григорій Двоесловъ былъ характера мягкаго, сердечнаго, оппонентъ фактически доказывалъ, что въ св. Григоріѣ проглядывала иногда и жесткость, и не только въ отношеніи къ подчинененымъ своимъ даже епископамъ,—но въ отнощеніи къ дѣтямъ учившимся въ его школѣ. Отвѣчая на это возраженіе аппонента, докторантъ не отрицалъ высказанныхъ имъ фактовъ изъ жизни св. отца, но старался представить ихъ случаями частными исключительными, грубостію того времени и случайными обстоятельствами. Кромѣ того, замѣтилъ, что и о св. Григоріѣ Двоесловѣ, какъ великомъ, можно сказать тоже, что говорятъ эстетики вообще о великихъ людяхъ, что въ ихъ груди цѣлый Олимпъ,—т. е. при кипучей полнотѣ жизни, у нихъ иногда въ ряду родовыхъ чертъ легко проявляются

и частныя случайныя. Затѣмъ оппонеитъ сдѣлалъ возраженіе относительно аскетическаго направленія св. Григорія Двоеслова, на которое особенно настаивалъ доктораитъ въ своемъ сочиненіи. Оппонеитъ возражалъ, что аскетизмъ въ св. отцѣ едвали былъ преимущественною чертою въ его жизни,—такъ какъ св. отецъ, какъ видно изъ его же словъ съ не особенною охотою оставлялъ свѣтскую жизнь и не безъ особеннаго противодѣйствія прнилялъ званіе римсктго епископа, обрекавшее его на обширную и разнообразную дѣятельность. Докторантъ отвѣчалъ на это тоже фактически, что св отецъ дѣйствительно отличался склонностію къ аскестизму въ себѣ и благосклонностію къ аскетизму въ другихъ. Что же касается до широкой дѣятельности св. Григорія въ званіи епископа римскаго, то эта дѣятельность на пользу церкви вообще, по словамъ докторанта, едвали можетъ казаться противорѣчивою и несовмѣстною съ аскетизмомъ св. отца.

На положеніе докторанта, что св. Григорій Двоесловъ относился враждебно къ свѣтской наукѣ, оппонентъ возражалъ, что св. отецъ напротивъ и самъ былъ образованъ, что подтверждается отчасти и высокимъ положеніемъ въ обществѣ которое онъ занималъ до поступленія его въ монашество кромѣ того, изъ свидѣтельства самаго св. отца и другихъ авторитетныхъ писателей (напр. Неандра) несомнѣнно видно, говорилъ оппонентъ, что св. Григорій былъ знакомъ и съ свѣтскою наукою, серіозно зналъ Гезіода, имѣлъ нѣкоторыя астрономическія свѣденія, былъ знакомъ съ стоическою философіею, и особенно хорошо зналъ музыку, знаніе которой въ тѣ времена считалось отличительною чертою образованнаго класса. Григорій былъ, прибавилъ оппонентъ великимъ моралистомъ.

На это докторантъ отвѣчалъ, что свѣтская ученость св. Григорія была не высока, да и не могла быть высокою при современномъ ему положеніи свѣтской школы и при тогдашнемъ упадкѣ языческой науки. Св. Григорій не былъ философомъ, и его мораль основана не на философскихъ началахъ. На счетъ отрицательнаго отношенія св. Григорія къ свѣтской наукѣ, прибавилъ докторантъ, сообщается нѣкоторыми писателями даже обидное мнѣніе для св. Григорія Двоеслова, будто-бы онъ сжегъ одну изъ библіотекъ римскихъ.

Вопреки положенію докторанта, что направленіе проповѣди св. Григорія Двоеслова было нравственно-аскетическое, а главною работающею силою въ немъ было воображеніе, а не умъ, оппонентъ старался доказать, что въ твореніяхъ св. Григорія довольно явственно видна и сила догматическаго содержанія, и что св. отецъ никому ненавязывалъ аскетизма въ строгомъ смыслѣ этого слова. Относительно же, будто бы, преобладающей въ твореніяхъ св. отца мысли о близости страшнаго суда, оппонентъ, возражалъ, что едва ли эта мысль не столько преобладаетъ въ поученіяхъ св. Григорія Двоеслова, сколько въ твореніяхъ предшествовавшихъ ему учителей церкви. На послѣднее возраженіе докторантъ отвѣчалъ, что мысль о близости страшнаго суда проведена въ поученіяхъ св. отца, что св. отецъ подъ вліяніемъ этой мысли и сродою съ нею аскетизма всегда высказывалъ въ своихъ поученіяхъ только одну грусть и скорбь, даже при торжественныхъ случаяхъ своей проповѣднической практики. Перешедши за тѣмъ къ третьему отдѣлу сочиненія докторанта, гдѣ говорится о гомилетической теоріи св. Григорія Двоеслова или объ его Пастырскомъ правилѣ, оппонентъ указывалъ какъ на недостатокъ этого отдѣла,

недостаточное уясненіе органической связи пастырскаго правила св. Григорія съ подобными твореніями предшествовавшихъ ему отцовъ западной церкви: Григорія назіанна, Августина и друг. Кромѣ того, оппонентъ указывалъ на натяжки въ выводахъ гомилетическихъ правилъ изъ Пастырскаго Правила св. отца, и на несправедливое униженіе первой Гомилетической науки блаженнаго Августина предъ вышесказаннымъ твореніемъ св. Григорія. И еще наконецъ оппонентъ замѣтилъ докторанту, что въ его выдержкахъ изъ св. отца, приведенныхъ въ русскомъ переводѣ, замѣтно будто-бы редакція »Рук. для с. Пастыр«. На послѣднее возраженіе докторантъ отвѣчалъ, что переводъ нѣкоторыхъ отрывковъ изъ Пастырскаго правила св. Григорія сдѣланъ имъ былъ гораздо раньше перевода редакціи Руководства для сельскихъ пастырей, и помѣщенъ имъ былъ въ одномъ изъ академическихъ изданій; что же касается до нѣкоторыхъ неточностей выдержекъ изъ Пастырскаго правила св. Отца въ русскомъ переводѣ, то докторантъ объяснялъ ихъ вольностію перевода. О возраженіяхъ оппонента П. А. Лашкарева нельзя не сказать, что онѣ отличались сильною логикою и глубокимъ знаніемъ предмета; оппонентъ всѣ, свои возраженія подкрѣплялъ фактами-цитатами по подлиннику, - противъ чего невсегда было легко отвѣчать. Другимъ достоинствомъ ученаго спора диспутировавшихъ, было, по нашему мнѣнію, спокойное отношеніе ихъ другъ къ другу, чуждое разныхъ аффектацій, иногда доходящихъ до неприличія въ подобныхъ случаяхъ.

Оппонентъ П. А. Лашкаревъ послѣ почти трехчасоваго совопросничества уступилъ свое мѣсто другому оффиціальному оппоненту Петрову. Такъ какъ первымъ оппонентомъ были исчерпаны почти всѣ вопросы, на которыхъ можно было остановиться солидной критикѣ, то второму оппоненту пришлось возражать не много. На сколько можно было разслышать, возраженія этого оппонента вращались, кажется, только около двухъ пунктовъ, на которыя указывалъ впрочемъ и прежній оппонентъ, именно: на недостаточное указаніе въ сочиненіи докторанта связи гомилетическихъ твореній св. Григорія съ предшествовавшими ему церковными писателями, и на знакомствѣ св. Григорія съ свѣтскою на-

укою того времени, недающимъ основанія заключать объ отрицательномъ отношеніи этого св. отца къ свѣтской наукѣ.

Такъ какъ дальнѣйшій диспутъ оффиціальнаго оппонента могъ привести къ повтореніямъ; то, по этому кажется, предсѣдатель собранія, о. ректоръ Академіи нашелъ нужнымъ прекратить диспутъ. Не оффиціальныхъ оппонентовъ докторанту неявилось. Докторскій диспутъ окончился въ 3 часа съ ½. Собравши голоса членовъ совѣта Академіи о достоинствѣ публичной защиты, о. ректоръ объявилъ собранію, что совѣтъ академіи призналъ защиту докторанта вполнѣ удовлетворительною для полученія имъ докторской степени и что совѣтъ академіи будетъ ходатайствовать предъ св. Сѵнодомъ объ утвержденіи докторанта въ ученной степени. Объявленіе о. ректора было покрыто громкими апплодисментами присутствовавшихъ и заявленіемъ поздравленій виновнику ученаго академическаго торжества.

Такъ происходилъ второй ученный докторскій диспутъ въ стѣнахъ нашей древней, Кіевской академіи. Срокъ, назначенный для соисканія докторской степени ординарнымъ проффессорамъ академіи приближается къ концу; и мы слышали, что въ скоромъ времени въ стѣнахъ академіи будутъ еще двѣ публичныя докторскія защиты. Пожелаемъ такого же успѣха и будущимъ нашимъ докторантамъ, съ какимъ совершили свой ученый подвигъ два предшествовавшіе докторанта, продолжатели рода знаменитаго нашего И. М. Скворцева.

Свящ. П. Т.

6 апр. 1872 г.

Печ. позвол. Кіевъ 1 апрѣля 1872 г. Ценз., прот. **М. Богдановъ.**
Въ типографіи И и А Давиденко Тип. аренд. С. Кульженко и В. Давиденко.